

Духовные учебные заведения РПЦ и формирование личности священно- и церковнослужителей в период модернизации XIX века

А. В. Скутнев

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ResearcherID: AAX-7041-2020. E-mail: skutnev@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – показать значение духовных учебных заведений (училища, семинарии, академии) для формирования личности дореволюционного православного священника. Актуальность объясняется огромным интересом среди исследователей к истории Церкви и социальной истории страны.

Статья посвящена истории духовных учебных заведений, в которых обучались дети из духовного сословия. Духовная школа подстраивалась под изменения государственной политики и эволюционировала. Реформа 1867 г. способствовала либерализации духовного образования через введение выборного начала и предоставление большей автономии. Устав 1884 г., наоборот, свернул мероприятия эпохи Александра II в сторону увеличения роли администрации.

Духовной школе были присущи все проблемы и положительные достижения отечественной системы образования. Хотя, безусловно, духовная школа имела определенную специфику. Особенно это касается проживания воспитанников в специальных общежитиях и замкнутой среде. Сохранилось немало доказательств невысокого уровня нравов, царивших в духовных учебных заведениях. Учителя и ученики духовных семинарий и академий по-разному применяли свои знания, полученные в ходе обучения. Ряд духовной молодежи покидали духовное сословие, некоторые становились священниками или безвозмездно служили обществу. Другие семинаристы революционизировались и участвовали в политических протестных мероприятиях. Почти все духовные учебные заведения так или иначе были охвачены политическим протестом, особенно в годы первой русской революции.

Духовные учебные заведения формировали личность, помогали получить качественное классическое образование, которое не уступало светскому. Здесь священнослужители знакомились с культурой, гуманистическими ценностями и достижениями гуманитарных наук.

Ключевые слова: Русская православная церковь, духовенство, духовные учебные заведения.

Духовная школа – это особый и крайне важный институт в системе РПЦ. Система духовного образования была открыта для всех детей из духовного сословия на всех уровнях. В стенах семинарий, особенно духовных академий, трудились серьезные ученые, которые были привлечены к проведению церковных реформ. Духовная школа формировала корпоративную культуру. Кризисные явления в ней имели глубокое влияние на жизнь Церкви.

Начиная с XVIII в., духовенство обязано было получать духовное образование. Фактически за 100 лет генетически грамотным сословием в России стало духовенство, а не дворянство. Появление «недоросля» в духовной среде было невозможно. При этом духовенство, хотя и было обременено обязанностями по службе, как правило, четко осознавало свою общественную функцию. Желание служить народу было огромным, что принимало иногда совершенно гипертрофированный вид. Многие клирики стали революционерами, чтобы поменять окружающую действительность. Другие служили обществу, например, занимались историческими исследованиями ради сохранения информации для будущих поколений, либо с целью понять свое прошлое. Духовенство, несмотря на его малочисленность среди населения России, именно благодаря образованности и желанию изменять окружающий мир, подарило России огромное количество деятелей культуры и политики: художника В. М. Васнецова, поэта И. С. Никитина, министра финансов России и видного ученого И. А. Вышнеградского, нобелевского лауреата И. П. Павлова, советского экономиста Е. А. Преображенского и многих других.

Церковные реформы открыли доступ в ряды духовенства выходцам из других сословий. Но и сами дети священно- и церковнослужителей все чаще покидали ряды духовенства. Сами иерархи церкви почти бросили бороться с бегством из сословия самых инициативных и увлеченных. Как сказал еще в начале XIX в. рязанский архиепископ Феофилакт выпускникам се-

минарии, пожелавшим учиться на врачей: «ныне я соглашаюсь на ваше желание посвятить себя медицине – этот путь более верный для вас, и вернее может обеспечить вашу будущность» [2]. Г. Гапон так охарактеризовал свое непоступление в университет: «это было равносильно гибели всей моей карьеры и всего, что привлекало меня в жизни» [4, с. 6]. Только после уговоров отца и невесты он решил стать священником.

И тем не менее у большинства детей желание покинуть духовное сословие не возникало. Если и говорить о том, что духовная школа в середине XIX в. устарела и требовала реформирования, то нужно понимать, что духовное образование не уступало светскому, было вполне современным и необходимым. В 1808–1814 гг. при активном участии М. М. Сперанского была проведена реформа системы духовных учебных заведений по аналогии с введенной в 1803 г. системой светского образования. Система духовного образования стала отвечать принципам преемственности и состоять из четырех ступеней: церковноприходская школа – духовное училище – духовная семинария – духовная академия. Обязательной ступенью было только духовное училище, окончив которое человек мог рассчитывать на нижнюю причетническую должность. Чтобы стать священником, необходимо было закончить семинарию.

В лучших традициях светского образования – страна делилась на четыре учебных округа, с центром – академией. Духовная академия была элитным учебным заведением. В нее поступали только лучшие ученики, которые желали вступить в ряды монашеского духовенства и быть в числе церковных иерархов, либо преподавателей духовных школ. Во главе академий и семинарий стояли ректоры, во главе училищ – смотрители. Также были учреждены должности инспекторов, которые следили за нравственностью в стенах духовной школы. Все духовные школы получили штатное расписание и централизованное материальное обеспечение (деньги давало государство).

Число духовных образовательных учреждений в течение всего XIX в. неизменно росло. В начале XIX в. насчитывалось три академии, 37 семинарий и 37 низших, или «архиерейских» школ. В них обучалось в общей сложности 29 тыс. человек. В 1854 г. было уже четыре академии, 48 семинарий и 159 низших духовных училищ, а количество обучавшихся в них составляло 61 тыс. человек [8, с. 513]. К 1917 г. действовало четыре академии, 58 семинарий и 185 училищ, количество обучавшихся осталось на уровне 1854 г. [24, с. 134].

Трижды в XIX в. менялась подчиненность духовного образования. С 1808 по 1839 гг. действовала Комиссия духовных училищ, с 1839 по 1869 гг. – Духовно-учебное управление, наконец с 1869 г. был образован Учебный комитет при Св. Синоде, просуществовавший до 1918 г. Этот комитет сразу же получил годовой бюджет в 1,5 млн. руб. [10].

Образовательные программы постоянно менялись в зависимости от мнения властей по поводу того, какими должны быть священнослужители. По положению 1836 г. о духовных учебных заведениях, в гимназиях резко сокращался объем преподавания общеобразовательных дисциплин, но увеличивался курс церковной истории, а в академиях упразднялось преподавание философии. Были и положительные моменты. Так, вводилось преподавание агрономии, медицины и ветеринарии, чтобы окончившие семинарию, исполняя священнические обязанности, могли оказывать соответствующую помощь прихожанам. Таким образом, будущие батюшки не только выступали как служители культа, но и помимо духовной помощи могли оказать помощь чисто практическую. Значение духовного лица в обществе возрастало.

В 1867 г. был принят новый Устав духовных заведений. Произошло увеличение самостоятельности местных правлений в духовно-учебных заведениях, вводились выборы начальствующих и наставников, участие епархиального духовенства в делах учебных заведений, а в учебном отношении – в духовных семинариях и училищах – преобладало преподавание классических языков и математики и сосредоточение богословского образования в двух последних специальных классах семинарий. Была введена педагогика.

Мы видим, что вводились демократические элементы – через выборы попечительского совета на съездах духовенства. Попечительский совет мог влиять на учебный и воспитательный процесс в семинарии. Семинария перестала быть сословным учебным заведением. Выпускники семинарии получили свободу выбирать профессию священника или иную. Как отметила современная исследовательница А. Д. Попова: «данные нововведения отражали процесс модернизации» [22, с. 29].

При Александре III свободы сворачивались. Устав 1884 г. ликвидировал многие пункты, достигнутые в период Великих реформ: отменялось выборное начало и вводились административный порядок назначения должностных лиц, подчинение правлений духовно-учебных

заведений начальственному попечению епархиальных архиереев, ограничение прав съездов духовенства, в учебном отношении: сокращался общеобразовательный курс (ограничивалось преподавание древних языков и математики, отменялось обязательное изучение новых языков), расширялось преподавание богословских наук, часть которых из двух последних классов была перенесена в низшие классы семинарий. Тем не менее во многих семинариях Учебным комитетом было разрешено вводить сверх программы изучение таких предметов, как начальные сведения по медицине, по гигиене и соматологии, практические занятия садоводством и огородничеством. Так как лишь около 20 % учащихся семинарий посвящали себя в дальнейшем служению Церкви, то эта реформа была воспринята большинством семинаристов с крайним неудовольствием. С 80-х гг. возрастает количество беспорядков в семинариях, доходящих иногда до покушений на ректоров и инспекторов. Учащийся Псковской семинарии совершил покушение на обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева [9].

В 1906 г. Учебным комитетом выработаны некоторые изменения в учебной части духовных семинарий и училищ: увеличено число уроков по одним предметам и уменьшено по другим; в семинарский курс введены новые предметы – тригонометрия и космография, а в училищный курс – история, природоведение и черчение; отменено преподавание в семинариях библейской истории как отдельного предмета.

Таким образом, трижды за XIX век (1808–1814, 1867, 1884) происходили реформы духовного образования. Главным моментом было соотношение богословских и общеобразовательных предметов, изучаемых будущими пастырями. Именно личность духовного лица была предметом изменений. В период Великих реформ предполагалось формировать всесторонне развитого священника, знающего и понимающего окружающий мир, а не только вопросы религии. С 1884 г., напротив, государство попыталось загнать духовную школу к изучению только богословских предметов, ликвидировать наметившийся дух свободы и интерес к жизни общества среди семинаристов.

Период учения едва ли не самый важный в жизни человека. Для детей духовенства учеба поистине давала уроки жизни и напрямую определяла судьбу. И. С. Беллюстин как первый автор произведения о приходском духовенстве, задавая вопрос о тяжелом и униженном положении своего сословия, искал ответ в детстве – а конкретно в духовной школе [1, с. 1].

Будущему батюшке предстояло проделать долгий ученический путь. Если говорить об обучении, то преемственность в переходе из одной ступени в другую была современным явлением. В начале XIX в. обучение предполагало три двухгодичных класса в училище и столько же в семинарии. А затем четыре года в академии (два отделения по два года). Однако учиться было достаточно сложно, о чем говорит большое количество незакончивших. Переводные экзамены сдавались каждый год. Некоторые ученики оставались на второй год. С каждой ступенью обучение усложнялось. Особенно это касается духовных академий. До 1840-х гг. не были разработаны методики преподавания, отсутствовали единые программы и даже учебники. Господствовала зубрежка. Однако затем ситуация выправляется в лучшую сторону. После реформы 1867 г. обучение в духовном училище сократилось до четырех лет (четыре одноступенчатых класса). В остальных типах учебных заведений сроки остались прежними.

Система оценок начиналась с 1 балла и понижалась до 5. Лучшие ученики сидели за первыми партами. Вообще весь класс распределялся по успеваемости от первого ученика до последнего.

Занятия обычно начинались в 8 ч. утра и продолжались до 16 ч. с двухчасовым перерывом на обед с 12 до 14 ч., на который воспитанники расходились по домам. В субботу уроки заканчивались в 12 ч.

На переменах и после учебы дети духовенства обычно играли. Как в обычные в то время «свайку, городки, егозу», так и придуманные ими самими. Например, А. Попов вспоминал, как он с товарищами привязали на поводок крысу, которая бегала по классу [21].

Отдельно стоит сказать о преподавателях духовной школы. Учительский труд для духовенства стоял на втором месте после выполнения прямых обязанностей. Многие священно- и церковнослужители учили приходских детей грамоте совершенно бесплатно. Ученики семинарий и академий нередко подрабатывали, давая уроки. Образовательный уровень педагогов был соответствующим духовным учебным заведениям. В духовных училищах, как правило, работали выпускники семинарий, причем только те, кто закончил по первому разряду. В семинариях и академиях окончившие высшую ступень – академию. В связи с этим различались и заработки учителей. В начале 1860-х гг. профессор академии получал от 715 до

858 руб. серебром в год, а учитель училища от 72 до 343 руб. [5, с. 117]. Судя по заработной плате, престижность должности учителя в академии и семинарии была, скорее всего, выше места священника среднего прихода. Зарплата учителя училища была невысокой. Ввиду этого учителя училищ менялись достаточно часто. Качество преподавания также возрастало от училища к академии. Для сравнения старшие учителя гимназий получали около 393 руб. в год, а профессора университетов от 360 до 1920 руб. [5, с. 78].

Осознавая проблему низких окладов учителей в духовных школах, Д. А. Толстой добился уже в 1865 г. увеличения окладов первоначально за счет внутренних средств епархий. В четырех духовных академиях одинарный профессор стал получать 1200 рублей, то есть аналогично коллегам из светских университетов [3, с. 36].

Устав 1867 г. дал всем преподавателям духовных учебных заведений права государственной службы, классные чины, возможность получать ордена. Светский преподаватель духовной семинарии мог иметь чин до статского советника включительно. Но такой высокий чин преподаватели получали редко. Один преподаватель Витебской духовной семинарии был в качестве исключения пожалован чином действительного статского советника (то есть генеральским). Профессоры духовных академий, как правило, к 45–50 годам дослуживались до чина действительного статского советника. Некоторые профессора оканчивали свою карьеру тайными советниками [9].

Даже такой противник нравов духовной школы, как И. С. Сычугов, вынужден был признать, что хорошие преподаватели все же были. Правда, чаще всего «...спрашивали только заданное. Большинство профессоров, видимо, тяготилось своей профессией и исполняло свои обязанности без увлечения, без любви к делу, часто по-казенному» [27, с. 168]. Впрочем, формальное исполнение своих обязанностей не может восприниматься как сугубо негативное явление. Они делали свою работу, в глазах начальства с ней справлялись. Преподаватели, пользующиеся авторитетом у семинаристов, напротив, вызывали подозрение. Отношения с преподавательским составом складывались по-разному. П. Н. Луппов как лучший ученик был приглашен на чай к смотрителю училища и получил в подарок книгу [15, с. 68]. О таких же теплых отношениях с учителем вспоминал М. Е. Лавров [14, с. 9].

Во всех без исключения духовных семинариях иногда работали выдающиеся и талантливые педагоги. Не было исключением и вятская семинария [11]. Можно назвать такие фамилии, как А. С. Верещагин, И. Ф. Фармаковский, Н. А. Чернышев. А. С. Верещагин – выпускник Казанской духовной академии, преподавал логику, историю, латинский язык. Как ученик известного историка А. П. Щапова он тоже живо интересовался историей и прославился в дальнейшем благодаря своему труду по истории Вятского края «Повесть о стране Вятской». Он был редактором неофициальной части Вятских губернских ведомостей, куда и перешел на работу из семинарии.

Много было разговоров о взятках среди учителей, особенно за переводные экзамены. И. С. Беллюстин даже писал, что «одну способность только показывает большая часть учителей – собирать деньги» [1, с. 11]. О размерах взяток судить сложно. Так, И. Красноперов указывает сумму в 3,5 руб. за перевод из класса в класс [13, с. 2]. Однако, во-первых, взяточничество было распространено среди всего приходского духовенства, начиная с консисторий и заканчивая благочиниями. Более того, эта проблема была бичом всей российской действительности. Во-вторых, конечно же, большинство учителей взятки брать не могло. Так как и денег у многих учеников не было. Да и телесные наказания при их регулярности не могли быть средством шантажа. Кроме того, число отчислявшихся было немалым, а значит, никакие взятки им помочь не смогли.

Отдельно стоит поговорить о быте и нравах в духовных заведениях. Большую же часть времени будущие отцы духовные проводили вдали от дома, от семьи в казенном общежитии или на съемной квартире среди своих сотоварищей по учебе. Хорошую квартиру могли позволить себе единицы. Многие «снимали у мещанина-полунищего, отставного солдата, вдовы, причетника», где царили «отвратительная нищета, грязь, грубость, самые страшные пороки» [1, с. 3]. Учиться в таких условиях было очень трудно.

Не лучше выглядело и здание самого училища. Н. Г. Помяловский так описывает класс, где учился: «стены с промерзшими углами, грязны – в черно-бурых полосах и пятнах, в плесени и ржавчине, потолок подперт деревянными скобами, потому что он давно прогнулся и грозит падением, пол в зимнее время посыпают песком, либо опилками...» [20, с. 5].

Нехватка денег постоянно давила на учеников. Книги и учебники были платные, у некоторых не было даже средств на их покупку. Будущие священники вообще жили почти в

спартанских условиях. Так как большинство учеников были детьми сельского духовенства, в начале учебного года родители привозили продукты. Это единственное, что они могли дать. А. Попов вспоминал, как отец «даст 30 копеек и заметит, что тут тебе денег и на молоко» [21, с. 41]. Питание учеников было либо скудным, либо безобразным. П. Н. Луппов так отозвался о питании в столовой вятского духовного училища: «Стол был простой – даже скудноватый: на завтрак – кружка молока с черным хлебом, а в постные дни – капуста, свекла, толокно. На обед и ужин два блюда: щи с мясом и каша, а в постные – горох, спартанка или картофельный суп» [15, с. 60]. Некоторые попросту голодали. А. Попов довольствовался в отдельные дни «холодным студнем – хлебом с солью» [21, с. 71].

Однако были и дети состоятельных священников, которые снимали квартиру с пансионом, где пили «чай с булками, имели хороший стол» [21, с. 118].

Духовенство формировалось в особой среде, при этом едва ли не решающее влияние на формирование личности священнослужителя оказывала не семья, а обстановка и воспитание, полученные в духовной школе. Только в духовном сословии ролевое обучение перестало быть непрерывным. В 8–9 лет мальчик уезжал от родителей в город для обучения в духовном училище, а затем в семинарии. На долгих десять лет он оказывался без родительского внимания и опеки. Семинаристы представляли собой особый социальный слой со своими нравами, привычками, моральным кодексом. Писатель Н. Н. Златовратский так описал образ семинариста, сильно поразивший его в детстве: «Необыкновенно длинная, сутуловатая фигура с смуглым лицом и темными волосами, мало разговорчив, несколько даже суров, ходивший в длинном синем халате (школьная одежда семинаристов)» [6, с. 41].

С тяжкими пороками и грехами, по утверждениям многих детей духовенства, оставивших воспоминания, будущие священники знакомились в годы детства и юности в стенах духовного училища (бурсы) [1; 13; 15]. Большинство мемуаров дает нелицеприятную характеристику духовным училищам и семинариям, где описывается приобщение с юных лет к пьянству и азартным играм. Впрочем, все воспоминания о жизни в духовном училище или семинарии целесообразно разделить хотя бы на две группы. Во-первых, воспоминания тех, кто покинул духовное сословие и описывал свое детство и юность. Эти произведения самые жесткие из всех, что показывают нравы в духовном сословии. Во-вторых, воспоминания священно- и церковнослужителей, которые также склонны критиковать духовную школу, но видят в ней и положительные стороны.

В свободное от учебы время семинаристы фактически были предоставлены сами себе. Русский писатель Н. В. Успенский отмечал, что от скуки и безысходности «в конце концов по примеру многих своих собратьев я стал искать *veritas in vino*» [28, с. 112]. С. Сычугов вспоминал, что в годы его обучения в Вятском духовном училище, а затем в семинарии ученики как старших, так и младших классов «напивались до скотства». Особенно производил впечатление на округу караван из 30–40 повозок, в которых пьяные семинаристы следовали на каникулы домой [27, с. 193]. Весьма охотно семинаристы во время отдыха играли между собой в азартные игры. Священник А. Попов, будучи учеником Вологодского духовного училища, увлекшись игрой «в бабки», «стал посвящать игре весь досуг, пока не достиг того, что стал выигрывать гроши и копейки» [21, с. 42]. Другой священник, М. Лавров, обучаясь во Владимирской духовной семинарии, не мог находиться в снимаемой квартире, так как там «с раннего вечера во всю ночь была картежная игра», которой предавались его товарищи, городские священники и хозяева квартиры [14, с. 18].

Некоторые семинаристы занимались даже воровством. При этом существовало негласное правило, по которому «украсть у товарищей – преступление, надуть начальство – подвиг» [20, с. 14]. Ворovali бурсаки из погребов начальства, а также в городе: овощи с огородов, кур, рыбу из сетей, калачи с лотков, вещи из лавок [27, с. 148].

Внеклассный надзор осуществляли, как правило, ученики старших классов, что привело к такому страшному пороку бурсы, как дедовщина. Иногда это было более-менее безобидно. Так, П. Н. Луппов вспоминал, что новичков просто не пропускали в коридоре училища [15, с. 43]. В других случаях дедовщина принимала более изощренные формы. Будущего священника Лаврова старшеклассники выпороли прямо в классе за то, что он как лучший ученик был посажен под № 1 [14, с. 8]. В вятской бурсе новичкам устраивали «вселенскую мазь», накидывая на них мешок и избивая [27, с. 49].

Вообще способ решения проблемы через рукоприкладство был характерен для нравов духовной школы. Отнюдь не случайно, что священнослужители порой так легко распускали

руки. Во-первых, в самом процессе обучения применялись телесные наказания: порка розгами и стояние на коленях. Иногда пороли достаточно сильно. И. Красноперов вспоминал, что в Елабужском духовном училище стоял такой стон и рев от подвергаемых наказаниям, что приходилось закрывать на время окна, выходящие на улицу [13, с. 2]. Только в духовной школе пороли сами ученики, обычно из числа старшеклассников. Хотя необходимо признать, что подобные наказания применялись и в светских учебных заведениях. Кроме того, для богословского выпускного класса семинарии унижительные наказания не применялись.

Почему же семинаристы не протестовали против подчас чудовищных условий проживания? Конформизм является вообще отличительной чертой традиционного общества, которым было российское дореволюционное общество. Семинаристы, по сути, еще не были священниками, дьяконами и причетниками. Они являлись простыми подростками и юношами, которые жили и учились вдали от родителей.

Ученики духовной школы жили не только в замкнутой среде, но и среде, где жизнь регламентировалась большим числом как христианских, так и светских ограничений. В ВЕВ в № 22 были напечатаны Инструкции ученикам Вятской духовной семинарии. Эти ограничения касались частной жизни семинаристов. Так, семинаристам запрещалось читать не рекомендованные книги и даже посещать публичную библиотеку без разрешения.

Взрослея, будущих пастырей начинали привлекать и более «взрослые игры». Самой активной частью духовенства были семинаристы. Молодежь в духовном сословии в пореформенную эпоху буквально охватили протестные настроения. В исследовании О. Д. Поповой и А. Д. Поповой заявлено, что первые бунты в семинариях отмечены еще в начале 1860-х [22]. Причиной их называется плохая или испорченная еда. Авторы отмечают, что об этом даже не докладывали в вышестоящие инстанции, решая проблему на месте. Едва ли эти инциденты можно назвать бунтом.

Именно в бурсе будущие священники знакомились с запрещенной литературой и социалистическими идеями. Будущий деятель первой русской революции Г. Гапон вспоминал, как еще в духовном училище увлекся сочинениями Толстого, которые ему дал почитать один из учителей [1, с. 4]. Почти в каждой российской семинарии когда-либо существовал тайный кружок. Не была исключением и Вятская духовная семинария. Еще в 1860–1870-е гг. Вятская духовная семинария превратилась в «гнездо нигилизма» [19, с. 44]. К этому располагало и особое место г. Вятки в системе осуществления правосудия как места политической ссылки.

Что-то похожее на кружок существовало вокруг преподавателя Вятской духовной семинарии А. А. Красовского, который открыл частную библиотеку, где тайно можно было познакомиться с работами либеральных авторов. О нем вятский губернатор В. И. Чарыков написал: «Будучи сильно заражен в Петербурге атеизмом и нигилизмом, он сначала приблизил к себе воспитанников, а потом начал проводить между ними свои вредные идеи» [26, с. 53]. В 1863 г. учителя семинарии А. А. Красовский и Я. Г. Рождественский, а также шесть семинаристов были арестованы. Еще 60 семинаристов были исключены из Вятской духовной семинарии [25].

Церковная администрация вынуждена была принимать меры для обеспечения порядка в духовной школе. В 1882 г. выходит секретный циркуляр № 151 Св. Синода на имя епархиальных архиереев, обязывающий руководство семинарий следить за содержанием семинарских библиотек, изымать из них революционные и либеральные издания и следить за чтением учеников. 12 июля 1899 г. Св. Синод принимает указ о закрытии семинарии в случае возникновения массовых беспорядков. В дополнение к указу циркуляр 1901 г. предписывал немедленно увольнять участников подобной забастовки. Как мы видим, в 1880-е гг. происходит усиление надзора за учащимися духовных школ. Во время реакции Александра III инакомыслие в духовной школе жестко подавлялось.

В конце XIX в. тайные общества уходят в прошлое, многие семинаристы уже не скрывают своих взглядов. Всего по подсчетам Т. А. Павленко за период с 1814 по 1904 гг. в российских духовных семинариях состоялось 59 волнений, 39 бунтов, 14 забастовок, 4 уличных и 2 похоронных демонстрации, 6 демонстраций протеста, несколько бойкотов, взрывов и поджогов зданий семинарии [18, с. 14]. Это дало основание исследовательнице говорить о культурной коде протеста семинаристов.

По подсчетам исследователей, в период Первой русской революции произошло 10 крупных бунтов [17, с. 143]. Как бунт епархиальным начальством были восприняты события, произошедшие в апреле 1905 г. в Вятской духовной семинарии. Семинаристы устроили собрание в здании общежития, протестуя против исключения нескольких человек. Затем они вышли на улицу, где распевали революционные песни и принимали участие в демонстрации [29].

В январе 1907 г. в Вятской духовной семинарии был организован Всероссийский семинарский союз. В союз вступили представители 36 семинарий. Представительство вятчан было самым крупным – 327 чел., что намного превосходило другие семинарии [7, с. 196]. Была написана комплексная политическая программа – «Устав» и «Платформа» Общесеминарского союза.

Правление семинарии, получив требования учеников, решило закрыть семинарию, подписавшихся исключить и обратиться за помощью полиции. Опасаясь начала семинарской забастовки в России, власти предприняли решительные меры. В ночь с 8 на 9 мая были проведены обыски в семинарии и на городских квартирах, где жили семинаристы. Были изъяты документы Общесеминарского союза и другая запрещенная литература, а также гектограф для напечатания листовок. Было арестовано 10 семинаристов, два надзирателя и два посредника с другими организациями. В 1910 г. выездной сессией Казанской судебной палаты началось слушание дела о 40 бывших воспитанниках Вятской духовной семинарии, обвинявшихся в соучастии в преступном обществе. В итоге 12 человек были осуждены [12, с. 312].

В пореформенную эпоху произошла подлинная революционизация церковной молодежи. Историк Д. Поспеловский констатирует, что «в школах, готовящих пастырей для народа, атеизм, нигилизм и радикализм были делом совершенно обычным. Из 2148 выпускников семинарий 1911 г. рукоположены к 1913 г. были лишь 574» [23, с. 62].

Это, казалось бы, сугубо негативное явление имеет, как ни странно, и нравственные причины. Бурсаки, несмотря на тяжести быта, стремились к самообразованию, просвещению. Ими двигали самые искренние порывы изменить окружающую действительность. Многие выпускники семинарии не стали безразличными, черствыми людьми, а сохранили любовь к людям, человечеству. На досуге бурсаки не унывали, а читали книги, писали стихи, многие пели в хоре. Как выразился А. Попов, «курс наш с жадностью отдавался чтению. Читали мы все – и классических проповедников, и светских писателей, и поэтов, и публицистов и различные лекции, конечно, не печатные» [21, с. 95].

Особенно интересовали будущих батюшек науки об обществе. Благодаря реформе 1867 г. в семинариях стали преподавать педагогику. История была одним из любимейших предметов учеников. Во многих духовных учебных заведениях существовали исторические кружки. В Вятке преподаватель семинарии протоиерей С. Н. Кашменский фактически создал музейную комнату, где в качестве экспонатов были старинные тексты по богословию и монеты времен Римской империи, привезенные им из святой земли [30].

Духовная школа формировала личность приходского священника, но после ее окончания только ему было решать, как жить дальше. Хотя, безусловно, многие своеобразные этические законы, действующие в духовной школе, переносились и во взрослую жизнь. Бурса хорошо знакомила с теневой стороной человеческой натуры, при этом слабо готовила к исполнению пастырских обязанностей. Практических занятий с выездом в приходы для семинаристов не предполагалось. Вятский священник А. Одоев в 1900 г. указывал на важность «экспериментального искусства общения с прихожанами» [16, с. 4]. Он предлагал священно- и церковнослужителям брать своих детей, приехавших из семинарии на каникулы, с собой на работу. Однако сделать это было довольно трудно. Семинаристы приезжали домой так редко, что их старались не привлекать ни к какой работе. По выражению того же А. Одоева, «каникулярное время для семинариста – синоним ничегонеделания».

Уже со школы духовенство усваивало общую культурную повестку страны, пристально следило за всем, что происходило в государстве. Протестное движение в духовной школе прошло ту же эволюцию, что и иные протестные движения, в итоге придя к политическим требованиям. Высокий уровень образования позволял обсуждать общественные проблемы. По сути, духовная школа была и дискуссионным клубом, где десятки молодых образованных юношей могли спорить и выражать свое мнение.

Духовная школа – это огромная часть времени в жизни клирика, его юность, которая формировала его как личность, с жизненными ориентирами, образованием, кругом друзей и общим взглядом на мир, то есть его менталитет.

Список литературы

1. Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства. Париж, 1858.
2. Воспоминания моей жизни. Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. 1792–1866 // Русская старина. 1871. Т. IV. С. 223–261.

3. Всеподданнейшая докладная записка обер-прокурора Святейшего синода графа Д. Толстого о деятельности православного духовного ведомства с 1 июня 1865 г. по январь 1866 г. Санкт-Петербург : Синод. тип., 1866.
4. Гапон Г. История моей жизни. М., 1990.
5. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964.
6. Златовратский Н. Н. Воспоминания. М., 1956.
7. Зырянов П. Н. Православная Церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М. : Наука, 1984.
8. История России с древнейших времен до 1861 года: учеб. для вузов / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, В. Б. Кобрин, В. А. Федоров. М., 2001.
9. Колыванов Г. Е. Краткий обзор духовного образования в России // Арзамасская старина. URL: <http://www.oldarzamas.ru/dorevolutsionnaya-istoriya-goroda/kratkiy-obzor-duhovnogo-obrazovaniya.html>.
10. Комитет учебный Святейшего Синода // Русское православие. URL: http://www.orthorus.ru/cgi-bin/or_file.cgi?4_2139.
11. Корнилова И. В. «Утро России»: преподаватели Вятской духовной семинарии в конце 1850-х – начале 1860-х гг. (историческая зарисовка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4–5. С. 45–49.
12. Котряхова Н. Н. Студенческое движение в Вятской духовной семинарии в 1900–1907 гг. // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского севера : мат-лы Международной науч. конференции. Киров, 1996. Т. 1. С. 311–312.
13. Красноперов И. «Отрывки из воспоминаний» // Вятская речь. 1915. № 17. С. 2–3.
14. Лавров М. Е. Автобиография сельского священника. Владимир, 1900.
15. Луппов П. Н. В духовном училище. Вятское духовное училище в начале последней четверти прошлого столетия. Воспоминания и заметки бывшего воспитанника. СПб., 1913.
16. Одоев А. Закрытие противораскольнического съезда // Вятские епархиальные ведомости. 1901. № 1. С. 4.
17. Помяловский Н. Г. Очерки бursы // Полное собрание сочинений. Т. 2. Варшава, 1913.
18. Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции: 1905–1907 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
19. Павленко Т. А. Бунты семинаристов в 1905–1907 гг.: традиционный протест в условиях революции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 77. С. 139–144.
20. Поздеев В. А. Семинаристы в русской литературе XIX – начала XX вв. Киров, 2011.
21. Попов А. Воспоминания причетнического сына. Вологда, 1913.
22. Попова А. Д. Александровская модернизация в глазах представителей духовного сословия // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2017. № 4 (57). С. 29.
23. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
24. Римский С. В. Православная церковь и государство в XIX веке. Ростов н/Д, 1998.
25. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 303. Л. 7.
26. Судовиков М. С. Русское купечество и оппозиционное движение 2-й половины XIX в. (по материалам Вятско-Камского региона) // Вестник ВГПУ. 2001. № 5. С. 51–54.
27. Сычуглов С. Записки бурсака. М. – Л., 1933.
28. Успенский Н. В. Из прошлого. М., 1883.
29. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 215. Оп. 2. Д. 64. Л. 141–145.
30. ЦГАКО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 194.

Ecclesiastical educational institutions of the Russian Orthodox Church and the formation of the personality of the clergy and clergy during the modernization of the XIX century

A. V. Skutnev

PhD in Historical Sciences, associate professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ResearcherID: AAX-7041-2020. E-mail: skutnev@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to show the importance of spiritual educational institutions (colleges, seminaries, academies) for the formation of the personality of a pre-revolutionary Orthodox priest. The relevance is explained by the great interest among researchers in the history of the Church and the social history of the country.

The article is devoted to the history of spiritual educational institutions in which children from the spiritual estate studied. The theological school adapted to changes in state policy and evolved. The reform of

1867 contributed to the liberalization of spiritual education through the introduction of an elective principle and the granting of greater autonomy. The Charter of 1884, on the contrary, curtailed the activities of the era of Alexander II in the direction of increasing the role of the administration.

The spiritual school was characterized by all the problems and positive achievements of the domestic education system. Although, of course, the spiritual school had certain specifics. This is especially true for the living of pupils in special dormitories and a closed environment. There is a lot of evidence of the low level of morals that prevailed in spiritual educational institutions. Teachers and students of theological seminaries and academies applied their knowledge gained in the course of training in different ways. A number of spiritual youth left the spiritual estate, some became priests or served society gratuitously. Other seminarians revolutionized and participated in political protest events. Almost all religious educational institutions were in one way or another engulfed by political protest, especially during the first Russian Revolution.

Spiritual educational institutions formed a personality, helped to get a high-quality classical education, which was not inferior to the secular one. Here the clergy got acquainted with the culture, humanistic values and achievements of the humanities.

Keywords: Russian Orthodox Church, clergy, religious educational institutions.

References

1. Bellyustin I. S. *Opisanie sel'skogo duhovenstva* [Description of the rural clergy]. Paris. 1858.
2. *Vospominaniya moej zhizni. Zapiski pochetnogo lejbn-hirurga D. K. Tarasova. 1792–1866* – Memories of my life. Notes of the honorary life surgeon D. K. Tarasov. 1792–1866 // *Russkaya starina* – Russian antiquity. 1871. Vol. IV. Pp. 223–261.
3. *Vsepoddannejšaya dokladnaya zapiska ober-prokurora Svyatejšhego sinoda grafa D. Tolstogo o deyatel'nosti pravoslavnogo duhovnogo vedomstva s 1 iyunya 1865 g. po yanvar' 1866 g.* – The most comprehensive memorandum of the Chief Prosecutor of the Holy Synod, Count D. Tolstoy, on the activities of the Orthodox spiritual department from June 1, 1865 to January 1866. SPb. Synod. typ. 1866.
4. Gapon G. *Istoriya moej zhizni* [The story of my life]. M. 1990.
5. Zajonchkovskij P. A. *Krizis samoderzhaviya na rubezhe 1870–1880-h godov* [The crisis of autocracy at the turn of the 1870s–1880s]. M. 1964.
6. Zlatovratskij N. N. *Vospominaniya* [Memoirs]. M. 1956.
7. Zyryanov P. N. *Pravoslavnaya Cerkov' v bor'be s revolyuciej 1905–1907 gg.* [The Orthodox Church in the struggle against the revolution of 1905–1907]. M. Nauka (Science). 1984.
8. *Istoriya Rossii s drevnejših vremen do 1861 goda: ucheb. dlya vuzov* – History of Russia from ancient times to 1861: textbook for universities / N. I. Pavlenko, I. L. Andreev, V. B. Kobrin, V. A. Fedorov. M. 2001.
9. Kolyvanov G. E. *Kratkij obzor duhovnogo obrazovaniya v Rossii* [A brief overview of spiritual education in Russia] // *Arzamasskaya starina* – Arzamas Antiquity. Available at: <http://www.oldarzamas.ru/dorevoljutsionnaya-istoriya-goroda/kratkij-obzor-duhovnogo-obrahovaniya.html>.
10. *Komitet uchebnyj Svyatejšhego Sinoda* – The Educational Committee of the Holy Synod // *Russkoe pravoslavlje* – Russian Orthodoxy. Available at: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/or_file.cgi?4_2139.
11. Kornilova I. V. *"Utro Rossii": prepodavately Vyatskoj duhovnoj seminarii v konce 1850-h – nachale 1860-h gg. (istoricheskaya zarisovka)* ["Morning of Russia": teachers of the Vyatka Theological Seminary in the late 1850s – early 1860s (historical sketch)] // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2012. No. 4–5. Pp. 45–49.
12. Kotryahova N. N. *Studencheskoe dvizhenie v Vyatskoj duhovnoj seminarii v 1900–1907 gg.* [Student movement in Vyatka Theological Seminary in 1900–1907] // *Religiya i cerkov' v kul'turno-istoricheskom razvitii Russkogo severa : mat-ly Mezhdunarodnoj nauch. konferencii* – Religion and the church in the cultural and historical development of the Russian North : materials of the International Scientific Conference. Kirov. 1996. Vol. 1. Pp. 311–312.
13. Krasnoperov I. *"Otryvki iz vospominanij"* ["Excerpts from memories"] // *Vyatskaya rech'* – Vyatka speech. 1915. No. 17. Pp. 2–3.
14. Lavrov M. E. *Avtobiografiya sel'skogo svyashchennika* [Autobiography of a rural priest]. Vladimir. 1900.
15. Luppov P. N. *V duhovnom uchilishche. Vyatskoe duhovnoe uchilishche v nachale poslednej chetverti proshlogo stoletiya. Vospominaniya i zametki byvshego vospitannika* [In the theological college. Vyatka Theological College at the beginning of the last quarter of the last century. Memoirs and notes of a former pupil]. SPb. 1913.
16. Odoev A. *Zakrytie protivoraskol'nicheskogo s'ezda* [Closing of the anti-schismatic congress] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka diocesan vedomosti. 1901. No. 1. P. 4.
17. Pomyalovskij N. G. *Ocherki bursy* [Essays of Bursa] // *Polnoe sobranie sochinenij* – Complete works. Vol. 2. Warsaw. 1913.
18. Pavlenko T. A. *Protestnoe dvizhenie uchaschihsya pravoslavnyh seminarij v period Pervoj rossijskoj revolyucii: 1905–1907 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Protest movement of students of Orthodox seminaries during the First Russian Revolution: 1905–1907 : dis. ... PhD in Historical Sciences]. SPb. 2009.
19. Pavlenko T. A. *Buny seminaristov v 1905–1907 gg.: tradicionnyj protest v usloviyah revolyucii* [The revolts of seminarians in 1905–1907: traditional protest in the conditions of revolution] // *Izvestiya Rossijskogo*

gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Herzena – News of Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. 2008. No. 77. Pp. 139–144.

20. Pozdeev V. A. *Seminaristy v russkoj literature XIX – nachala XX vv.* [Seminarians in Russian literature of the XIX – early XX centuries]. Kirov. 2011.

21. Popov A. *Vospominaniya prichetnicheskogo syna* [Memoirs of a clerical son]. Vologda. 1913.

22. Popova A. D. *Aleksandrovsкая modernizaciya v glazah predstavitelej duhovnogo sosloviya* [Alexandrovsкая modernization in the eyes of representatives of the clergy] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* – Herald of Ryazan State University n. a. S. A. Yesenin. 2017. No. 4 (57). P. 29.

23. Pospelovskij D. V. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. M. 1995.

24. Rimskij S. V. *Pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo v XIX veke* [The Orthodox Church and the state in the XIX century]. Rostov-on-Don. 1998.

25. RShA (Russian State Historical Archive). F. 1282. Inv. 1. File 303. Sh. 7.

26. Sudovikov M. S. *Russkoe kupechestvo i oppozicionnoe dvizhenie 2-j poloviny XIX v. (po materialam Vyatsko-Kamskogo regiona)* [Russian merchants and the opposition movement of the 2nd half of the XIX century (based on the materials of the Vyatka-Kama region)] // *Vestnik VGPU* – Herald of VSPU. 2001. No. 5. Pp. 51–54.

27. Sychugov S. *Zapiski bursaka* [Notes of bursak]. M. – L. 1933.

28. Uspenskij N. V. *Iz proshlogo* [From the past]. M. 1883.

29. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 215. Inv. 2. File 64. Sh. 141–145.

30. CSAKR. F. 270. Inv. 1. File 194.